

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
СОЗЕРЦАТЕЛЬ

Annotation

Риерта – город среди воды, сотканный из серебряных нитей дождя, пелены тумана, чугунной безнадеги и несбывшихся надежд. Родина нового индустриального бога – мотории, подмявшего под себя пар и уголь. Мотория принесла прогресс в каждый дом, а вместе с ним боль, смерть и страх перед теми, кто скрывается в развалинах затопленных улиц и кто уже давно перестал быть людьми. Риерта недружелюбна к чужакам, и Итан Шелби, приехавший сюда, сам того не желая, ввязался в историю, сплетенную из мрачных тайн прошлого, опасностей и приключений.

Алексей Пехов

Созерцатель

*Пусть мы не яростные львы, но и не скот в хлеву.
Мы жить – хотим, но не должны жизнь ставить во главу.
А что пороков не чужды, с чего тут ждать иных.
Мужское братство – на плацу не делает святых![\[1\]](#)*

Редьярд Киплинг

Если вы идете сквозь ад – идите не останавливаясь.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль

Привалившись к влажной, вонючей стене, Джим Пендантон без всяких эмоций произнес:

– Проваливай, Вилли.

Невыносимо болела правая рука, и он чувствовал, как кровь пропитывает рукав перепачканного мундира. Его друг, такой же старый вояка, не стал тратить время на споры, и Пендантон был благодарен ему за это. Оба знали, что один из них должен остаться. Кривой жребий на этот раз выпал тому, кто оказался ранен.

– Хорошо, Джим. Держи. Тебе это понадобится больше, чем мне. – Невысокий полковник отстегнул крепежи на правой руке, снял стальные пластины, протянул боевому товарищу тяжеленный шестиствольный флотский револьвер «Крушитель» и сумку с патронами.

– Уведите их и спрячьте хорошенько. Они не должны ему достаться. Сделаешь?

– Конечно. Мы еще поборемся.

– Все. Проваливай.

Им обоим было понятно, что произойдет дальше. Говорить еще что-то не имело смысла. Веллтон молча развернулся и побежал вдоль воды по узкой дорожке древнего подземного коллектора, догоняя остальных заговорщиков.

Пендантон тем временем с трудом установил на левой руке крепежи компенсаторной системы, защелкнул карабины, чувствуя, как стальная пластина врезается в спину, становясь с оружием единым целым. «Крушитель» слишком мощен, чтобы из него можно было стрелять без особых приспособлений. Отдача попросту сломала бы запястье.

Он по старой привычке нажал на «собачку», откидывая стволы, и убедился, что в каждом из шести лежит золотистый патрон.

От потери крови немного кружилась голова, и адмирал на несколько мгновений закрыл глаза, собираясь для последнего боя. За пятьдесят шесть лет своей жизни Джим Пендантон давно разучился бояться смерти. Но никогда не думал, что его путь закончится в канализации, в полумраке, рядом со смердящей водой, совсем недалеко от дворца того, кого он должен был защищать.

И не сумел.

Его угнетал высокий сводчатый потолок красной кирпичной кладки, забранные ржавыми решетками сливы, затхлые сквозняки, крысы и то, что могло скрываться во мраке древней части города. Но сейчас главным было совсем иное – будущее. А дабы оно стало реальностью, ему придется остаться и дать возможность товарищам уйти как можно дальше, затеряться в запутанном лабиринте.

Пендантон собирался дорого продать свою продырявленную шкуру. У него была отличная позиция для стрельбы: здесь коллектор расширялся и соединялся с более узкой частью, отчего получался выступ – как раз такой, за которым может укрыться человек, а опытный стрелок получит серьезное преимущество.

Идеальная позиция. Последний привет от его ускользающей фортуны. Вентиляционный люк на потолке, висящий как раз над поворотом, из-за которого должны были показаться преследователи, давал достаточно света для того, чтобы ни одна пуля не прошла мимо.

Наконец он услышал их – топот сапог, клацанье когтей. Первыми из-за поворота

вылетели псы. Гладкие, коричневые, похожие на торпеды. Они чуяли его, знали, где он прячется, и были созданы лишь для того, чтобы хватать и рвать.

Пендантон помнил тот день, когда эта порода была завезена в Риерту. Он сам распорядился купить у искиров редких щенков императорской породы и оплатил наём инструкторов для тренировки и воспитания. Лучшие собаки, обученные не только убивать, но и находить взрывчатку и тех, кто недавно использовал ингениум^[2]. Теперь же ему приходилось уничтожать реализацию собственных идей.

Он открыл огонь, когда с первым псом их разделяло всего четыре шага, а из-за поворота появились бегущие люди.

В подземелье грохот «Крушителя» был подобен залпу носового орудия броненосца. Ослепительная вспышка на мгновение уничтожила все тени, а пролетевшая по коллектору пуля, оставив после себя ярко-голубой росчерк с видимыми завихрениями в воздухе, врезалась в пса и взорвалась. Во все стороны брызнули ошметки плоти.

Несмотря на специальный механизм, отдача больно ударила в плечо, но Пендантон снова взвел курок, барабан крутанулся, сменяя пустой ствол на заряженный. Вторая пуля убила оставшегося пса. Третья голубой стрелой попала в человека, облаченного в начищенную кирасу гвардии, оторвав тому верхнюю половину туловища.

Джиму было не важно, с какой руки стрелять, и прежде, чем враги успели отступить, ему удалось ранить еще одного. И лишившийся ноги солдат свалился в воду коллектора.

Выжил тот или нет, Пендантону было все равно. Он укрылся за выступом стены, и тут же залязгали выстрелы револьверов.

Легкие пули не могли пробить толстую стену, и опасаться можно было только случайных рикошетов.

Адмирал высунулся лишь на мгновение. «Крушитель» снова рявкнул, разорвав кого-то из солдат надвое. Остальные бросились прочь, спрятались за углом.

Бывший начальник службы охраны дукса раскрыл пистолет и заменил пять все еще горячих латунных гильз новыми патронами. В сумке оставалась еще половина коробки^[3]. Хватит для того, чтобы устроить себе веселые проводы.

Боль в руке снова дала о себе знать. Перед глазами закружилось, мягкие ладони надавили на уши, но адмирал справился с собой, ощущая во рту противный металлический привкус.

Он слышал, как люди поминают дьявола, как щелкают открывающиеся барабаны и гильзы со звоном сыплются под ноги его преследователям. Не только ему требовалась передышка. Трое из них мертвы, и остальные не слишком-то желают соревноваться в скорости с «Крушителем» и полагаться на Создателя. Бог в этой зловонной дыре отсутствовал, и сейчас его заместителями являлись Джим Пендантон и его пистолет. Во всяком случае, до тех пор, пока не подспеют плакальщики.

Их задержку можно объяснить только тем, что заговорщики все провернули внезапно и Мергену пришлось действовать на ходу, затыкая брешь теми, кто попался под руку. По следу Джима отправили гвардейцев. Чтобы задержать бунтовщиков до прихода основных сил. Но тем удалось вырваться, пускай и с потерями.

– Эй! Ты! – крикнули ему, но предусмотрительно не высовываясь из-за угла. – Лучше сдавайся! Мерген гарантирует тебе честный суд!

Адмирал не ответил. Быть может, шесть месяцев назад он был более наивным, но теперь не клюнул бы на такую ерунду. Все суды у Мергена в кармане. И сделают то, что он им

скажет. В лучшем случае Пендантона утопят, как изменника. В худшем – сбросят в кварталы Старой Академии, на корм контаги.

Ни одна из подобных смертей его не привлекала. Захлебнуться цветущей водой Совино канала или быть разорванным голодными нелюдями? Ну уж нет. Если ему и предстоит попасть в ад, то пусть это произойдет здесь и сейчас.

Они что-то горячо обсуждали, а потом замолкли. И Джим понял почему. Прищурившись, стал смотреть на воду. Темную, неспешную, сонную. Пендантон напрягся, ощущая теперь не только как кровь течет по руке, но и как капли пота сползают по спине.

Начальник охраны не знал, сколько плакальщиков пришло за ним. Смотрел во все глаза и только поэтому заметил мимолетное дрожание воздуха в отражении канала. Он тут же выстрелил, пытаясь предугадать направление движения. Раз. Второй. Третий.

Адмирал забыл про боль в правой руке, взводя курок со всей возможной скоростью, и последняя попытка увенчалась успехом. Сверкнуло, точно магний алхимиков загорелся ослепительно-белым пламенем, из воздуха появился человек, с громким всплеском упавший в воду.

Больше выстрелить Джим не успел. «Крушитель» вырвался из его руки, ломая пальцы, и улетел в сторону. Горло сдавили стальные тиски, голова ударилась о камень, все закружилось, и он на мгновение потерял сознание.

Когда Пендантон пришел в себя, левая рука была сломана в двух местах, правое запястье раздроблено. Он едва сдержался, чтобы вновь не провалиться во мрак. Посмотрел с ненавистью на человека, чье колено упиралось ему в грудь, прижимая к холодным камням.

На враге была полумаска в виде короткого стального клюва, закрывающая верхнюю половину лица, на голову накинута широкий капюшон маскировочного плаща. Пендантон видел лишь глаза плакальщика – ярко-коралловые, похожие на птичьи, с точечками черных зрачков размером с булавочную головку. Они, как и всегда, выглядели странно и пугающе.

Второй плакальщик, мокрый, с развороченным пулей плечом и висящей на лоскуте плоти искалеченной рукой, пошатываясь, выбрался из зловонного канала, встал рядом. Его словно бы и не заботила страшная рана. Кровь из нее почти не текла.

– Глупо, адмирал. Неужели вы рассчитывали на успех? – Голос звучал глухо. В нем не слышалось ни радости или торжества, ни боли. Одно лишь безразличие.

Тот, кто прижимал его к земле, встал и, ничего не говоря, поспешил во мрак, туда, где скрылись остальные беглецы, на ходу извлекая из-под плаща клинок. Замерцал и исчез.

– Мы уже победили. Разве не видишь? – сказал Джим.

– Ты старый дурак.

– Я предпочитаю слово «патриот».

– Мы найдем их.

Подожли гвардейцы, в нерешительности остановились. Плакальщик глянул на них:

– Один из вас должен вернуться. Нужны еще собаки, и пусть два катера перекроют Змеиный канал^[4], если преступники вздумают бежать по воде. Остальные – вперед.

– А с ним что? – спросил усатый сержант, хорошо помнящий Пендантона по службе во дворце. – Ему нужен врач. Иначе он не дотянет до суда.

Мужчина в маске извлек кривой нож и, склонившись, перерезал адмиралу горло. Он ощущал разочарование из-за своей раны и того, что его плащ оказался уничтожен.

– Я сам вершу суд, – выпрямляясь, сказал он потрясенным людям. – Поторопитесь. Больше просить не буду.

Через минуту рядом с телом не осталось никого, кроме крыс.

Глава первая

Специалист по поиску людей

Ненавижу дождь.

Ненавижу так, как может не любить лишь человек, который смотрит на воду точно свинья, глядящая на мясника.

Не подумайте, что я ною. Просто в такие дни ничего не клеится. Я предпочитаю пореже выходить на улицу и, уподобившись медведю, торчать в берлоге.

Моей маленькой квартирке на Джордж-стрит великолепно подходит подобное определение. Я нахожу ее уютной, хотя те редкие гости, что здесь появляются время от времени, лишь корчат скорбные рожи да вздыхают, словно на похоронах любимого дядюшки. Особо близкие знакомые конечно же говорят нечто вроде:

– Создатель тебя направо, Итан. Какого черта ты все еще живешь в этой дыре?

Они не верят, что мне здесь нравится. Как вообще приличного человека может привлекать район Сэфо?! Я же – обожаю эту часть города. Хотя бы потому, что отсюда далеко до реки и ее туманов, утром на улице пахнет выпечкой и корицей из южных колоний, а паб, который держит Уолли, мой бывший сослуживец, под потолок забит отличными айлэндами^[5].

Дождь взял меня в осаду, и, когда надоедало торчать дома, я спускался по лестнице на первый этаж, в контору, которую арендовал у владельца здания.

Здесь, в отличие от моей усыпальницы, не властвовал полумрак, а по углам не валялось барахло. Я старался не отпугивать потенциальных клиентов раньше времени. Впрочем, в последние месяцы дела шли не то чтобы очень, так что пугать особо было некого.

Я часами торчал в глубоком кресле, рисуя на бумаге идиотские рожицы искриков, придумывая им имена.

Инь-ка-рю. Линь-унь-пу. Один хрен. Все равно я не прилагал усилий, чтобы их запомнить.

Какое-то количество лет назад я думал, что ненавижу их куда сильнее, чем воду. Но после той войны, когда мы, молодые парни, поняли, почему фунт табака, прошло больше десяти лет, и кое-что начинало смазываться, уходить, возвращаясь ко мне лишь в воспоминаниях. А вот дождь... в это время года он казался вечным и незыблемым, как власть премьер-министра. Мне оставалось с отвращением смотреть на мокрое стекло, по которому стекали частые капли.

Иногда я подходил к книжному шкафу и брал какой-нибудь том. Сегодня же мне позарез хотелось почитать газету, но, когда такая непогода, почтальон не особо чесался и доставлял прессу только после полудня, глядя на меня точно намокший бассет, которого хозяин пинком выгнал из дома.

В общем, я маялся и валял дурака, изрисовывая листы узкоглазыми рожами до тех пор, пока не прозвенел дверной звонок. Можно было гордиться собой, я даже не шевельнулся. Доделал каску, наложил на нее тень, затем поставил в центре жирную кляксу, отмечая место, куда попала пуля.

К черту печальные взгляды почтальона. Сегодня мне не хватит совести даже на самого себя, не говоря уже о парне, выполняющем свою работу.

Когда напольные часы начали бить, я отложил перьевую ручку, встал, потянулся и открыл дверь конторы. В нее было вставлено матовое стекло, на котором я три года назад вывел с помощью трафарета: «Итан Шелби. Специалист по поиску людей».

По мне, получилось очень даже недурно. Я использовал тот же шрифт, которым когда-то расписал мою малышку «Матильду», многотонное чудовище, даже лишенное хода доставившее массу неприятностей искирам и приютившее в своем чреве разношерстную компанию неплохих парней.

Некоторые отмечали, что я занялся не тем делом. Мол, после того как война закончилась, мне стоило идти в художники, а не в полицейские. Дьявол его знает, как было бы лучше. Теперь-то уж точно поздно жалеть.

Я прошел по темному коридору в парадную и кивнул Джейкобу, вечно сонному консьержу в мятном с ванилью мундире.

Я сказал – в мятном с ванилью?

Да. Со мной такое случается. Иногда в голове полный бардак, и в такие моменты цвета я воспринимаю как вкусы, а вкусы – как цвета. Но если приложить некоторое умственное усилие, дать себе задание думать правильно, то мундир был все же выцветшего зеленого оттенка с кремовыми вставками.

– Привет, Джейкоб. Как жизнь?

– Паршиво, мистер Шелби. – Он сделал попытку приложить руку к козырьку линялой фуражки того же мятно-ванильного вкуса, но рука поднялась всего лишь на пару дюймов и вновь оказалась рядом с чашкой теплого чая. – Думаю, я все же подхватил простуду. Нет клиентов?

– Не сыпь мне соль на раны, старина. В такой дождь, даже если пропадет любимый племянник, в первую очередь подумают о зонтике, а не обо мне.

Он сочувственно вздохнул, следя за тем, как я достал из почтового ящика корреспонденцию.

– В наше время на пенсию ветерана не слишком пощипуешь.

Это точно. Даже если Министерство обороны говорит газетчикам обратное.

В этот день кроме свежего выпуска «Зеркал правды» мне пришли еще и конверты с пометкой «Последнее предупреждение».

От взгляда Джейкоба, каким бы сонным он ни казался, подобное утаить было попросту невозможно, и тот вновь вздохнул, сочувственно сказав:

– Надеюсь, вы разрешите противоречия с мистером Тулли, мистер Шелби.

– Это не от него, – рассеянно произнес я, кинув счета в мусорную корзину рядом со стойкой консьержа. – С хозяином дома я расплачиваюсь честь по чести.

– Приятно слышать, сэр. Очень бы не хотелось, чтобы мы лишились такого замечательного человека.

В последние два месяца у меня были некоторые затруднения с финансами, и у моторической компании, телефонной станции, а также городских коммунальных служб кончалось терпение.

Ребята они все нервные и терпеть не могут, если на их счета перестают приходить веселые денежки.

Джейкоб вытянул шею, глянул в корзину, изучая цвет конверта:

– Телефон? Дьявольская придумка, мистер Шелби. Помяните мои слова, эти новомодные штучки еще принесут нам множество бед. Мало людям мотории и этих ужасных

превращений. Так еще и разговаривать с аппаратом! В нем точно сидит Сатана и только и ждет, чтобы шепнуть какую-нибудь пакость.

Консьерж был тем еще консерватором. Помню, два года назад он считал, что трамвай, начавший курсировать от Эйпл-Статла к Мабл-парку, утащит всех пассажиров в ад, стоит лишь полицейским отвернуться.

– Вполне возможно, что и так, – дипломатично ответил я ему. – Время покажет.

С этим он не спорил. Время все расставляло по своим местам. Следовало просто набраться терпения.

Я вернулся в офис, бросив газету на стол, провел рукой по щеке, отмечая, что стоит все же побриться на тот случай, если найдется идиот, вздумавший зайти ко мне в такую погоду. Глянул в зеркало и решил, что бритва подождет и до завтра.

Улыбнулся своему отражению. И тип с глазами вкуса пепла и коротко стриженными волосами забытого пряного карри с ананасом ответил мне тем же.

Не слишком весело. Я бы сказал даже – довольно мрачно.

Еще тот рыжий ублюдок, если честно. Можно сколько угодно быть милым, но когда у тебя сломан нос, а над правой бровью косой шрам от прилетевшего осколка, то тем, кто с тобой не знаком, ты кажешься громиллой, занимающимся по меньшей мере выбиванием карманных часов и кошельков в темных подворотнях Слаудж-стрит.

Это по меньшей мере, как я уже говорил. И если осколок – эхо войны, которое не минуло никого из моего поколения, тех розовощеких двадцатилетних юнцов, какими мы были шестнадцать лет назад, то нос – награда за участие в чемпионате по боксу. В тот год мои кулаки принесли победу Королевскому колледжу полиции. Но не думаю, что моя переносица была им за это благодарна.

Битых полчаса я пытался читать газету. Кризис в министерствах, искриры получили квоты и право на ограниченное поселение в наших восточных графствах, премьер-министр посетил академию «Летной силы». Ну и вся та же муть в бесконечном количестве.

Я никак не мог сосредоточиться, темные строчки типографской краски расплывались перед глазами. Беда была в том, что я ощущал предвестников.

Снова.

И это просто выводило меня из себя. Так бывало, когда я делал перерыв, тянул слишком долго, неделями не отпирая верхний ящик стола. И знал, что за этим последует.

Ничего хорошего.

Никакими айлэндами нельзя залить тот пожар, что медленно, но верно разгорается в моей крови и бежит по сосудам, нещадно насилуя мозг.

Чертово, треклятое эхо войны и патриотизм наивных глупцов, вызывающихся добровольцами для того, чтобы порадовать чиновников из Научно-технической лаборатории^[6]. В итоге спустя несколько месяцев испытаний из всей партии придурков, шагнувших из строя вместе со мной, в живых остался только один недалекий кретин.

То есть я.

– Хрен вам всем, – пробормотал я, уставившись в газету и не желая замечать краем глаза проворную тень.

Я знал все ее повадки. Все, что она могла сделать и делала. Всю ту злобу, ненависть и тьму, которую способна принести за собой.

А еще огонь. Треклятый огонь, который пока еще только-только просыпается в моих капиллярах. Я покрутил в сознании приятную мысль, как ей, наверное, будет хреново, если я

наполню ванну ледяной водой, кину в нее стоун^[7] колотого льда и залезу в этот арктический аквариум с головой.

Вот только следующие предвестники будут куда более болезненными. И так просто я от них не избавлюсь.

Она появлялась то под столом, то под шкафом, верхние полки которого были забиты книгами, а нижние – папками завершенных дел. Еще под фикусом, растущим в большом глиняном горшке. И за тонкими, прозрачными занавесками. Но стоило мне посмотреть на нее, сконцентрировать взгляд, как тень тут же исчезала.

Беда в том, что твари не существует. Это всего лишь мое разыгравшееся воображение. Я знал это, как и то, что я Итан Шелби, но ничего не мог с собой поделать и все равно силился рассмотреть ускользящий от взгляда силуэт.

Ребята в проекте рассказывали всякое. Они тоже замечали ее. А некоторым удавалось *увидеть*. Никто из «счастливиц» после этого не протянул и пары суток. Так что я страшился того, что могло попасться мне на глаза. В общем, если говорить более понятным языком – тень как та ерунда, которую доктор сказал не чесать, но страшно хочется. И если нарушить приказ, то последствия будут воистину печальными.

Низко загудел телефон. Я вздрогнул, осторожно положил газету на край стола, покрытого зеленым сукном, уставился на новомодный аппарат. Снимать слуховую воронку не хотелось. В данный момент, чтобы нормально общаться, мне требовалось сделать над собой усилие.

К тому же после теней появлялись голосовые предвестники. Это уже была грань, перед которой стоило принять лекарство. Иначе будет очень хреново. Несколько раз я слышал несуществующие голоса по телефону. Так что вы можете понять мое желание не спешить с ответом.

Возможно, и прав консьерж. Телефон – оружие дьявола и все-такое. Во всяком случае, сейчас он мне именно таким и казался.

Но это мог быть какой-нибудь клиент. А упустить его – значит заставить кредиторов завалить мой почтовый ящик бумагами. Стоит сбересть продукцию целлюлозной фабрики хотя бы по этой причине.

Я протянул руку, снял с рычага блестящую воронку, поднес ее к уху, вторую, на аппарате, подвинул поближе к себе и хрипло произнес:

– Слушаю.

В ответ раздался лишь тихий треск, и мне показалось, что тень под шкафом порадовалась этому.

– Вот черт! Что-то быстро на этот раз. – Я повесил воронку обратно.

Придется поступить разумно.

Из кармана жилета я достал маленький ключик, отпер верхний ящик стола, вытащил самозарядный «Стук», отложил его в сторону, извлек деревянный футляр, повернул медную защелку и, облизав губы, уставился на стальной шприц, набор игл и отделения, в которых покоились четыре ампулы с мутной серой жидкостью. Уже четыре. Раньше их было десять.

Скоро придется покупать новые. Этого я не хотел почти точно так же, как и вгонять иглу себе в вену.

Чувствуя, что в желудке становится горячо, а к горлу подступает комок, и стараясь не спешить, я растянул пуговицу. Ненавижу себя за это предвкушение смерти.

Вновь загудел телефон.

Я и ухом не повел, закатал рукав и обнажил правое предплечье. Взял шприц, раскрыл его, вложил внутрь ампулу, закрыл со щелчком, ломая печать. Теперь следовало простерилизовать иглу, и скотч на дне стакана, что стоял на краю стола, вполне подходил для этого.

Телефон не умолкал и звенел как бешеный.

Я скрипнул зубами:

– Твою же мать!.. Слушаю!!

– Господин Шелби. Я уже хотела отменить звонок, – раздался в ответ мелодичный голос.

Я узнал телефонистку, работавшую в дневную смену. Девушка была общительной, вежливой и дружелюбной. Для меня она оставалась всего лишь чудесным голосом, и порой я гадал, как та выглядит в жизни.

– Простите, Хлоя. Я отходил. – Я отвернулся от футляра, заметив, что за покрытым каплями окном мелькнула зловещая тень.

– Вам звонит инспектор Юарт из Грейвплейса. Будете разговаривать?

– Да.

– Соединяю. И... господин Шелби. Мне неприятно говорить об этом, но моя компания обязала предупредить вас о задолженности.

– Спасибо. Я оплачу счета в самое ближайшее время, – ровным голосом ответил я.

Раздался тихий щелчок, а затем глубокий сочный голос произнес:

– Алло. Итан?

Мы были знакомы еще с колледжа. Учились на одном курсе, вместе патрулировали улицы Хервингемма и работали совместно с военной полицией. Затем Юарт пошел дальше, а я решил спрыгнуть с поезда и заняться частной практикой. В ту пору мне до смерти надоела политика Грейвплейса. Слишком часто нам приходилось покрывать богатых властителей этого города.

– Привет, Билли. Сколько лет.

– Клянусь Создателем, не так уж и много, – рассмеялся тот. – Как твои дела? Все еще гоняешься за похитителями?

– Время от времени.

– Ну, не приbedняйся. Газеты писали, как ты нашел дочь Баркстоуна. Ребята из отдела особых преступлений рассказывали, что ты был на высоте, когда перебил ту дюжину ублюдков. Отличная работа.

– Спасибо. – Тень юркнула под шкаф, и я готов был поклясться, что успел рассмотреть лохматую обезьянью лапу. Поэтому ускорил разговор: – Что заставило тебя позвонить? Ну кроме ностальгии по старым денечкам, разумеется.

На том конце трубки раздалось нечто напоминающее хмыканье:

– Собственно говоря, у меня есть три причины, старина. Первая, пропустить стаканчик в пабе. Приходи в «Синий шлем». Ребята соскучились. Собирается вся наша старая гвардия. Старик Хепсиба наливает одну бесплатно.

– Он все еще копит небо? Заманчивое предложение. – Я действительно давно не видел никого из тех, с кем когда-то работал на благо закона и спокойствия мирных жителей Хервингемма.

– Вторая причина – капитан ушел на пенсию. Теперь в Грейвплейсе новый начальник – Слэджен. Наверное, ты не помнишь его, но парень он неплохой. А отделу по борьбе с

терроризмом нужна хорошая ищейка. Такая, как ты. Меня попросили тебе передать, чтобы ты подумал о возвращении. Не хочешь надевать мундир, работай как консультант. После того как эти революционеры взорвали над парламентом «Бриз», твои акции резко взлетели до небес. Ты умеешь находить ублюдков. Что скажешь?

– Мне нравится подчиняться самому себе.

– Не спеши. Как надумаешь, просто позвони мне.

– Ну а третья причина твоего звонка?

Юарт помялся:

– Один приятель моего приятеля попросил об услуге. Ему требуется надежный парень для непростой работы.

– Какого рода работы? Не юли, Билли. Говори как есть.

– Он ищет человека. Я сразу вспомнил о тебе.

– А почему розыском не занимается полиция?

– Как я понял, за давностью лет. Наши не возьмутся. Да и не могут взяться. Работа предполагает выезд за границу.

Хм. Интересно.

– Куда?

– Не имею ни малейшего понятия, старина. Мне позвонили несколько минут назад, и я дал твой адрес. Клиент должен зайти в ближайшее время. Возьмешься?

Работа мне была нужна позарез, так что я ответил:

– Во всяком случае, выслушаю его. Спасибо, Билли. С меня причитается.

Мы еще с минуту говорили о всяких пустяках, затем попрощались. Я вытащил из шприца ампулу. Сейчас не время для ада.

Высокий седовласый старик с прямой осанкой, в шерстяном костюме-тройке для путешествий вошел в контору, оставив мокрый от дождя зонт возле двери, повесил на крючок плащ и касторовую шляпу с узкими полями, сел на предложенный стул, поставив дорожный саквояж рядом. У гостя было узкое породистое лицо с тонким носом, лохматые пушистые баки, кустистые брови и темные глаза. От выпивки он отказался, несколько секунд изучал меня, затем представился, протянув визитку:

– Мое имя Джейсон Хенстридж.

– Вы из Риерты? – Я легко определил акцент гостя и почувствовал пальцами дорогую бумагу карточки.

– Все верно. Как вы, наверное, уже знаете, ваш друг рекомендовал вас. У вас серьезная репутация, господин Шелби. Такие громкие дела, как спасение дочери Баркстоуна, находка украденного младенца в Тричестере, удачные переговоры с похитителями в Гроссенте, раскрытие убийства баронессы Мон, инсценированного под похищение. Не говоря уже об изящном расследовании в Вагуриде, где вы помогли поймать полиции того людоеда, работавшего в пансионе. И все это за неполные четыре года. Некоторые крупные сыскные бюро не могут похвалиться таким успехом и за срок более пяти лет.

Я склонил голову, принимая похвалу. Возможно, успехи выдающиеся, но... Люди пропадают каждый день, однако не всегда их готовы искать, а уж тем более платить за это. Ко мне за помощью обращаются довольно редко, иначе я не получал бы счета с пометкой «Последнее предупреждение! Оплатить до двадцать пятого числа сего месяца!».

– Вижу, вы навели справки.

– Конечно. – Старик улыбнулся бескровными губами. – Я предпочитаю сотрудничать с профессионалами – это избавляет меня от безумного разбрасывания деньгами и бесконечных объяснений, чего я хочу. Ваши поступки, а также безупречная служба в полиции говорят о многом.

Его глаза вкуса молодой горчицы усмехались, и я понял, что этот Хенстридж знает не только о моей безупречной службе, но и о скелетах в шкафу. Я не стал уточнять каких. И как у него появилась такая информация. Раз его это не смущает, не будем ворошить прошлое.

– Перейду к сути дела. – Старик пару раз легко коснулся указательным пальцем своего подбородка. – Я достаточно богат. – Его губы тронула извиняющаяся улыбка, намекающая, что Хенстридж понимает, сколь неуместно должны звучать его слова для тех, кто «богат недостаточно». – И я готов платить за вашу помощь. Моя профессия... скажем так... изобретатель. Да. Пожалуй, это будет точное определение, мистер Шелби. Во всяком случае, самое простое из всех доступных. Я один из тех, кто придумал способ, как добыть, очистить и стабилизировать моторию, а также построил единственную фабрику для ее переработки.

Я посмотрел на этого человека новым взглядом.

– Я знаю Белджи, Баллантайна и Брайса. Но о Хенстридже слышу впервые, сэр.

Он понимающе улыбнулся:

– Троица «Б». Величайшие умы современности, как теперь утверждают газетчики и биографы. Конечно, я понимаю ваши сомнения. Но в отличие от моих друзей я гораздо менее тщеславен и ненавижу упоминания в прессе. И назойливое внимание окружающих. Все, что я делал, я делал ради науки, человечества и прогресса.

– Но вместе с тем вы не стали отказываться от денег, – усмехнулся я.

Его усмешка была зеркальна моей.

– Разумеется. Я не альтруист и не идиот, мистер Шелби. Когда твой банковский счет чувствует себя хорошо, это дает возможность продолжать исследования. Деньги, как вы понимаете, приносят возможности. А ученый не должен от них отказываться, если, конечно, хочет двигать науку и дальше. Я вижу сомнение в ваших глазах и, как человек, привыкший доверять фактам, вполне понимаю его. Где доказательства, что сейчас какой-то старый идиот или мошенник не морочит вам голову? У меня есть патенты. Если они вам нужны, я пришлю копии. Есть моя чековая книжка. – Еще одна мягкая улыбка. – Знающие люди из Академии Риерты могут подтвердить мою личность.

– А ваши соратники? Гении современности?

Он вежливо приподнял брови:

– Как видно, вы не очень интересуетесь биографиями.

– Это так заметно? Признаюсь честно, история жизни ученых находится за пределами моих интересов.

Старик печально развел руками:

– Баллантайн погиб во время запуска конвейерной линии по зарядке капсул с моторией. Система все еще была нестабильна, и взрыв уничтожил многое. Белджи попал в плен к искирам во время оккупации Риерты и умер, не открыв им тайн моей страны. Брайс? Мы не общались уже девять лет. Он выбрал иной путь и предпочел дружбу с теми, кому я руки не подам. Что касается лаборантов и учеников... Они, как и я, возились с открытой субстанцией. Им повезло чуть меньше. Понимаете?

Я задумчиво кивнул:

– Понимаю. Мотория в открытой форме смертельно опасна. Могу позавидовать вашей

удаче.

– Не стоит, – мягко попросил он. – Всех, кто работал с нестабильным веществом, удача обошла стороной.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и я сказал, просто констатируя факт:

– Вы умираете.

Он хохотнул:

– Мне нравится ваша прямота! Именно так. Я уже в могиле, только сверху никто еще не закидал ее землей, сэр. Странный минерал поднимали со дна озера Матрэ еще наши далекие предки. Он не привлекал их внимания – тусклые кристаллы, которые не поддавались обработке, серели на воздухе, крошились. Сущий мусор. Баллантайн был самым гениальным из нас. В душе он настоящий алхимик и обожал эксперименты. Именно он получил из кристаллов первичную моторию. Никто не догадывался об опасности, исходящей от нее. Все мы были молоды и собирались жить вечно.

Я кивнул, вспоминая себя и моих друзей, добровольцами записывающимися на фронт. Кто из нас мог подумать, чем все кончится?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Перевод Елены Бычковой. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Буквально: способности.

В стандартной коробке «Крушителя» десять патронов.

Змеиный канал – широкая река, отделяющая Гороховый Суп от районов Прыщи, Верхний и Гетто.

Айлэнд – островной виски северных областей Королевства. Обычно характеризуется чуть сладковатым вкусом с яркими дымными нотами и ароматом морской соли.

Оборонная Научно-техническая лаборатория – одна из ведомственных организаций Министерства обороны Королевства.

Мера веса; равна 14 фунтам, или 6,350 килограмма.